

УДК 911.3

МОСКОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ МОСКВИЧЕЙ¹

© 2012 г. О.И. Вендина

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 26.11.2011 г.

В статье рассматриваются особенности структуры идентичности москвичей. На основе данных социологических опросов проводится сравнительный анализ соотношения российской, московской и этнической идентичностей. Детально рассмотрены особенности московской идентичности в зависимости от возраста, социально-профессионального состава москвичей, районов их проживания. Сделан вывод, что для укрепления солидарности московского сообщества недостаточно опираться на фактор укорененности горожан и российскую идентичность, необходима поддержка гражданского самосознания, подкрепленная социальной политикой московских властей.

Беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 г., замешанные на межэтническом противостоянии, остро поставили вопрос о неблагополучии межкультурных и межпоколенческих взаимодействий в городе. Большинство экспертов и управленцев сошлись во мнении, что укрепление патриотизма, национально-гражданской (русской) и городской (московской) идентичности должно обеспечить интеграцию московского общества поверх этнических, религиозных и социальных барьеров. То, что идентичности (субъективному определению человеком собственной системы принадлежностей, своего рода якорей) отводится столь важная функция, заставляет задуматься, насколько она способна ее выполнять. Может ли преданность человека своей стране, региону или городу – компенсировать межэтнические противоречия, существующие в обществе? Этот вопрос тем более актуален, что большинство

конфликтов, возникающих в российских городах, являются конфликтами между русским этническим большинством и представителями народов Северного Кавказа, другими словами, между коренными этническими группами россиян.

ПОЧЕМУ ВАЖНО ИЗУЧЕНИЕ “ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ”?

Помимо того, что разделяемая идентичность служит одной из важнейших характеристик городского сообщества и понимание особенности ее формирования необходимо для определения стратегий развития городов, существует как минимум еще три ответа на этот вопрос.

Первый связан с глобализацией, возвышением глобальных городов и утратой государствами части своего суверенитета. Многие из военно-стратегических, политико-юридических, арбитражных, финансовых, торгово-экономических и гуманитарных функций некоторых государств были делегированы межгосударственным альянсам и международным институтам. Это значительно снизило государственные барьеры и облегчило выстраивание прямых взаимодействий между городами. Появление новых институциональных возможностей совпало с изменением демографической и экономической ситуации. В 2010 г. в городах проживало 50.5% населения мира, и рост численности городского населения продолжается [38]. Согласно экспертным оценкам, порядка миллиарда человек участвует в миг-

¹ Основой для статьи послужил квартирный опрос 3500 москвичей, проведенный в 2001 г. в ходе проекта “Гражданское участие, социальный капитал и перспективы демократического управления в Москве” (ИГ РАН) при финансовой поддержке NSF USA и участия Социологического факультета МГУ. Выбор районов опроса был обусловлен типологией, основанной на анализе 52 индикаторов, включая демографические и социальные характеристики населения, политические предпочтения, особенности застройки и рынка недвижимости. Опрос проводился по пропорциональной выборке в зависимости от возраста и образования респондентов. По прошествии десяти лет закономерности, выявленные опросом, еще более актуализировались, хотя конкретные данные и устарели. Там, где нет специальных ссылок, приводятся данные этого исследования.

рациональных перемещениях и около трети из них являются международными мигрантами [9]. Этот огромный поток направляется, прежде всего, в города, где люди находят работу, место для жизни, решают насущные проблемы. К городам, а не территориям привязана современная экономика. В экономически развитых странах вклад городов в ВВП составляет 85%, а в развивающихся достигает 55%. В России, несмотря на ресурсный крен экономики и огромные пространства, города производят 65% ВВП. 23 крупнейших мегаполиса мира с населением 10 и более миллионов человек производят 14% мирового ВВП [39]. Через города проходит 90% транспортных и телекоммуникационных потоков, здесь реализуется 80% научных исследований. Города и происходящие в них события фактически являются главным стабилизирующим и главным дестабилизирующим фактором социально-экономической жизни своих стран. Они инициируют политические перемены, становясь ареной массовых протестов. Поэтому вопрос о том, насколько взаимодополняющими или конфликтными являются национально-гражданская и городская идентичность, далеко не праздный.

Второй ответ касается не экономики, а взаимоотношений городов и территорий. В определенном смысле “горожанство” и “гражданство” сопоставимы как индикаторы принадлежности. Прописка, замененная ныне в России на регистрацию, обладает статусом, напоминающим гражданство, она наделяет жителей города особыми правами, которые распространяются не только на политическую сферу жизни – право избирать и быть избранным, но и на доступ к социальным благам (образование, здравоохранение, льготы и выплаты, обеспечение жильем и пр.), что создает ситуацию государства в государстве. Наличие особых прав по месту жительства требует установления формальных (административных) и неформальных (социальных) границ. Городская черта конституирует социальные различия между городом и пригородом. Жители пригорода, массово работающие в городе и там же оставляющие свои налоги, оказываются в ситуации “неграждан” и лишены возможности пользоваться городским социальным сервисом. Городская принадлежность создает не только внешние, но и внутренние социальные барьеры. В тесном городском пространстве неравенство доступа к социальным благам трансформируется в многоликую сегрегацию и становится источником конфликтов. Ситуация обостряется в условиях радикального усложнения социальной и этнической структуры населения.

Третий ответ связан с двойственностью социальной природы городов, одновременно порождающих стимулы к сегрегации и к объединению. Если причины сегрегации достаточно ясны и кроются в различиях, то причины консолидации городских сообществ менее прозрачны. Во-первых, в город людей привлекает не только экономика, но и возможности самореализации. Во-вторых, жизнь в большом городе сопряжена со многими издержками – стресс, плотный ритм жизни, плохая экология, высокая неопределенность и проч. Минимизировать эти издержки можно только совместными усилиями, направленными на достижение общих целей. В-третьих, объединять людей могут обиды или угрозы, возникающие, в том числе, из-за ощущения ограниченности ресурсов социального перераспределения, несправедливо растрачиваемых не на тех, кому они “положены”. “Чувство места”, лежащее в основе городской идентичности, активно проявляется как ответная реакция на посягательства внешнего мира [37]. В-четвертых, объединяют мифы, в которые верят горожане. Например: “Москва – это единственное место в стране, где только и можно жить по-человечески” или “Петербург – это культурная столица России”, город, сохранивший ауру интеллигентности в отличие от бюрократической и хамской Москвы.

ЧТО ВКЛАДЫВАЕТСЯ В ПОНЯТИЕ ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Идентичность широко используется в научном лексиконе и наряду с менталитетом, культурой и этничностью превратилась чуть ли не в универсальное объяснение трудно объяснимых ситуаций. Идентичность обрела множество коннотаций, отсылающих к разным формам проявления человеческой жизни, и по-разному трактуемых философией, психологией, социологией и этнологией [20]. Это требует прояснения смыслов, вкладываемых в столь часто употребляемое понятие.

Прежде всего, заслуживает внимания то, что Э. Эрикссон, который ввел понятие идентичности в междисциплинарный научный оборот, избегал ее однозначных определений и подчеркивал изменчивость в процессе развития личности [34]. Следуя этой логике, мы не можем рассматривать городскую идентичность с позиций эссенциализма и приписывать ей свойство неизменности, хотя соединение идентичности материальной природы города и идеальной природы его восприятия создает соблазн. Для городской идентичности важно не место само по себе, а чувство места, сплав

Рис. 1. Подходы к интерпретации городской идентичности.

физической реальности и вызываемых ею эмоций [35]. В начале 1990-х годов мной и коллегами была предпринята попытка нарисовать воображаемую карту Москвы, где были бы обозначены наиболее и наименее привлекательные места города, условно – любимые и нелюбимые. К своему удивлению, мы обнаружили, что только приезжие ассоциировали место с расположенными там объектами. Ассоциации москвичей отсылали к событиям собственной жизни или жизни родителей. Места, которые мы гипотетически выбрали в качестве нелюбимых, были ничуть не менее любимы, чем предполагаемые фавориты [6]. Этот феномен обнаруживали и многие другие исследователи. Так, Елизарово – аэропорт, военная база и промышленный центр на Камчатке, воспринимаемый приезжими как место варварской индустриализации и не менее варварского использования военными, в глазах местных жителей предстает “тихим, уютным, зеленым ... средоточием жизни” [15].

Говоря о городской идентичности, мы сталкиваемся и с трудностью перехода от уровня индивида на уровень социума. Сегодня никто не станет оспаривать, что идентичность человека является продуктом не только личного, но и коллективного опыта, достигнутого консенсуса в оценке прошлых и нынешних событий, близости воззрений и представлений многих людей, сходства судеб поколений и исторической памяти. Опыт, практика социализации и коллективное сознание [13] позволяют нам рассуждать о городской идентичности как социальном феномене, отстраняясь от ее конкретных носителей. Вместе с тем невозможно игнорировать фактор сложности социальной структуры населения города. И коллективный опыт, и представления о консенсусе у разных социальных групп различны, поэтому и смысловое наполнение городской идентичности может сильно различаться. В результате не существует

единой городской идентичности², а попытки ее конструирования и приписывания городскому сообществу чреватые потерей чувства реальности, консервацией отживших представлений, экстраполяцией прошлого в настоящее или будущее.

Преодолеть сложности с определением городской идентичности помогает понятийный и методологический аппарат, предложенный П. Бурдые. Представления о социальном габитусе и социальном пространстве [3, 4] позволяют трактовать идентичность как меняющееся в процессе социальных взаимодействий определение человеком координат собственного мира. Городская идентичность может быть интерпретирована как внутренняя привязка человека к месту своей жизни, эмоциональная и одновременно социальная связь, которая формируется в результате множественных взаимодействий как с городской средой, так и с социумом.

В российских публикациях, посвященных вопросам городской или региональной идентичности, можно встретить два подхода к ее изучению, основанных на разных исследовательских установках. Эти различия хорошо видны, если взглянуть на городскую идентичность с позиции ценности особенного и универсального (рис. 1).

Подход к изучению городской идентичности с позиций уникальности места и чувства малой родины сопряжен с представлением о городском сообществе как целостной и культурно-самобытной группе, к которой применяются следующие характеристики: укорененность, наличие особой культуры, своего языка, образа жизни, локальных “святых мест” и сакральных ценностей. В рамках данного подхода находится подавляющее большинство работ, посвященных территориальному самоопределению городских и региональных со-

² Отсутствие общей городской идентичности не означает отсутствия общих оснований для ее формирования или коллективных форм.

обществ [5, 10, 14, 16, 25, 29, 30]. Эта исследовательская позиция не только отражает настроения, царящие в обществе, но и влияет на формирование управленческих и политических дискурсов. Так, представление о Москве как социально-культурной целостности, обладающей самобытностью, стоит за предложением написать Кодекс москвича в качестве предписания для приезжих, оно закреплено во всех документах московского правительства, включая принятую в 2010 г. Концепцию развития межэтнических отношений.

Подход к изучению городской идентичности с позиций прав человека и гражданских ценностей менее распространен, такие работы встречаются скорее в сфере политической регионалистики или социологии [12, 19, 27]. В этом случае городская идентичность интерпретируется как осознание личной ответственности за судьбы города и становится способом солидаризации городского сообщества в решении общих проблем совместной жизни, обустройства городской среды, экологии, охраны наследия, социальной справедливости. Высказывается предположение, что городская идентичность способствует росту доверия в городском сообществе и является предпосылкой формирования гражданского общества [26]. Апелляции к патриотизму основываются не на самобытности, а на идее гражданского участия в принятии решений, связанных с развитием города. Принцип деления городского сообщества на коренных и приезжих утрачивает свою первоестественную значимость.

Описанные подходы к пониманию городской идентичности заставляют задуматься, во-первых, о том, какие разновидности идентичности москвичей можно выделить, во-вторых, насколько представительными являются выделенные группы, в-третьих, каков социально-демографический, профессиональный и этнический состав каждой из групп, и, наконец, какие смыслы преобладают в самоопределении москвичей и городской идентичности.

ЗНАЧИМОСТЬ МОСКОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ МОСКВИЧЕЙ

Согласно С. Хантингтону, “естественная” иерархия самоидентификации людей, отражающая их лояльность к различным территориальным сообществам и тесноту связи с ними, выстраивается в соответствии с приоритетностью локальной, региональной и лишь затем национально-гражданской (страновой) идентичности. Локальная солидарность всегда значимей общегосударственной, за исключением случаев мобилизации населения против общего врага [33]. Судя по данным *International Social Survey Program*, для России характерна иная логика, иерархия значимостей территориально-социальных общностей визуализируется не как пирамида, а как песочные часы. Региональная идентичность является второстепенной как по отношению к локальной, так и к национальной [18].

В Москве, где понятие локального и регионального трудно разводимы, иерархия идентичностей выстраивается как перевернутая усеченная пирамида (табл. 1). Ощущение себя москвичом уступает по значимости страновой идентичности, зато является лидирующим среди идентичностей второго уровня и делит первое–второе места с локальной идентичностью.

Репертуар идентичностей москвичей наглядно демонстрирует, насколько для территориальной идентичности важны ценностные приоритеты. Чувство политической принадлежности к определенному государству (государство как ценность) делает страновую идентичность национально-гражданской и часто не позволяет москвичам разделять российскую и московскую идентичности. Советская идентичность – это не только дань инерционности социальных габитусов, но и осознание ценностей социализма; европейская (наднациональная) идентичность апеллирует к пра-

Таблица 1. Особенности самоидентификации жителей Москвы*

Ответы на вопрос: “Кем Вы себя считаете?”	Иерархия идентичностей, %		
	В первую очередь	Во вторую очередь	В третью очередь
Россиянином, гражданином России	52.3	15.5	7.9
Россиянином и москвичом	9.0	17.1	9.8
Москвичом	17.2	30.6	24.6
Жителем своего района	2.5	11.6	26.3
Советским человеком	6.0	7.1	6.0
Европейцем	1.5	4.8	7.3
Членом своей этнической группы	4.0	8.1	39.0

* В таблицу не включены варианты “другое”, “затрудняюсь ответить” и пропущенные ответы.

Таблица 2. Соотношение иерархий идентичностей москвичей*

Считают себя в первую очередь	Считают себя во вторую очередь, %						
	Россиянином, гражданином России	Россиянином и москвичом	Москвичом	Жителем своего района	Советским человеком	Европейцем	Членом своей этнической группы
Россиянином, гражданином России	0.5	20.6	41.1	10.5	8.0	5.3	10.4
Россиянином и москвичом	21.9	–	26.9	20.8	9.0	9.3	6.8
Москвичом	41.3	20.0	1.1	16.4	7.6	2.5	5.9
Жителем своего района	43.2	11.1	37.0	–	2.5	1.2	1.2
Советским человеком	32.5	13.2	29.9	10.2	0.5	1.5	8.6
Европейцем	31.4	17.8	31.1	15.6	4.4	–	–
Членом своей этнической группы	10.9	20.4	36.5	9.5	8.8	5.8	2.9

* В таблицу не включены варианты “другое”, “затрудняюсь ответить” и пропущенные ответы.

вам человека, а этническая – к этноцентричному мировоззрению. Если понимать под ценностью убежденность человека в значимости для него некоторого объекта или явления, то и московская идентичность является ценностно-окрашенной.

Московская идентичность является высоко значимой практически для представителей всех выделенных групп (табл. 2). Это координаты второго порядка для “россиян”, “этнофоров” и “европейцев”. Немногим слабее ощущают свою связь с Москвой “советские люди” и представители локальных районных сообществ, практически в равной мере фиксирующие свою страновую и городскую принадлежность.

Выбор в пользу тех или иных ценностных установок не в последнюю очередь определяется межпоколенческими различиями. Так, европейский выбор принадлежит тем, кто младше 40 лет (68.7%), а советский – тем, кто старше 55 лет (60%). Среди “жителей своего района” выделяются пожилые старожилы (41.4%) и 35–45-тилетние (24.1%) – наиболее многочисленная группа в среде недавних мигрантов.

МОСКОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕСТНЫЙ ПАТРИОТИЗМ И “МОСКВИЧИ”

На чувство “москвича” с очевидностью влияют два фактора – длительность проживания в Москве и место рождения. Согласно переписи 2002 г., на долю уроженцев Москвы приходится чуть более половины населения столицы (53.4%). Примерно треть из них – это дети, подростки и молодые люди в возрасте до 25 лет. Со статистикой согла-

суются результаты опроса. В молодежной среде доля лиц, определяющих себя, прежде всего как “москвичи”, несколько выше, чем в старших возрастных группах – 19.8% против 16.8%. Однако особенности половозрастной пирамиды стареющей Москвы предопределяют преобладание старших возрастных групп над более молодыми: 52% среди “москвичей” старше 45 лет и 30,2% – моложе 35 лет. В силу этого пожилые, а не молодые определяют состав референтной группы “москвичей”, а также – “укорененные”, а не “коренные”.

Опираясь на представления об укорененности, группа COMCON провела исследование поведенческих характеристик трех групп жителей Москвы: 1) коренных москвичей; 2) москвичей, переехавших в Москву с родителями в детстве; 3) приезжих – недавних мигрантов. Опрос показал, что образ коренного москвича рисуется при помощи таких понятий, как *интеллигентность, образованность, неторопливость, приверженность собственному укладу жизни, традициям и обычаям, вкупе с ленью, высокомерием, снобизмом и закрытостью*. Некоренные, но выросшие в столице москвичи – это *независимые, целеустремленные, самостоятельные, прагматичные, раскованные и самоуверенные люди с завышенной самооценкой*. Недавних москвичей характеризуют *индивидуализм, цепкость, готовность выполнять любую работу, меркантильность и беспринципность* [23].

В этом перечне субъективных оценок образ коренного москвича выглядит как обломовский и воскрешает память об арбатских старушках. В случае Москвы это особенно поразительно, по-

Таблица 3. Социально-профессиональный состав опрошенных москвичей, %

Основные социально-профессиональные категории	Работающие			Пенсионеры		
	В качестве	Считают себя в первую очередь		Ранее работали в качестве	Считают себя в первую очередь	
		Россиянами и москвичами	Москвичами		Россиянами и москвичами	Москвичами
Руководитель, менеджер верхнего звена	5.0	6.1	5.7	6.9	5.7	4.9
Предприниматель	8.6	7.3	8.9	2.2	3.4	0.5
Военнослужащий, работник правоохранительных органов	3.5	1.8	2.2	5.6	9.2	3.2
Инженер, специалист, руководитель или менеджер среднего звена	19.2	16.5	15.8	18.6	23.0	20.5
Работник умственного труда	23.6	29.3	21.5	25.6	29.9	22.2
Рабочий	28.5	28.7	30.1	36.2	25.3	43.2

скольку для московского социума наиболее значимыми являются такие характеристики, как успешность, образованность и деловитость [22]. На такую аберрацию восприятия указывают многие социологи, подчеркивающие, что местный патриотизм как выражение самобытности часто сочетается с традиционализмом и замкнутостью, являясь препятствием для мобильности человека, стремлению к модернизации [11].

Этот вывод подтверждает анализ социально-профессионального состава группы “москвичей” (табл. 3), среди которых наиболее значимое представительство принадлежит лицам рабочих профессий: 30.1% в случае работающих и 43.2% в случае пенсионеров. Интеллигенция тяготеет скорее к смешанной российско-московской идентичности.

С точки зрения модернизации, отражающей переход от общества индустриального, с доминированием рабочих профессий, к обществу постиндустриальному, опирающемуся на интеллектуальный труд, подгруппа “москвичей” выглядит менее современной, нежели московский социум в целом. Данный тип идентичности отражает эмоциональную привязанность к городу, а также выполняет компенсаторные функции, снижая у “москвичей” ощущение внутреннего дискомфорта от утраты социального статуса. Потребность в моральной компенсации вызвана не только обваль-

ной деиндустриализацией московской экономики, приведшей к резкому сокращению занятости в промышленности и связанных с ней отраслях науки и техники, но и отстраненностью большинства населения города от процесса принятия решений. Среди руководителей верхнего управленческого звена, предпринимателей, работников правоохранительных органов “москвичей” мало.

На компенсаторный характер данного типа городской идентичности указывают и особенности ее московской географии. Если расположить районы Москвы по мере их удаления от центра города, то тренд роста доли лиц, считающих себя прежде всего “москвичами”, проявляется с очевидностью (рис. 2). Наиболее высокие показатели доли “москвичей” характерны для старых рабочих районов Москвы и городских окраин. Этот результат оказался противоположным исходной гипотезе, согласно которой предполагалось, что чувство москвича будет сильнее выражено у жителей исторических кварталов Москвы, где сохранился дух города, а городская среда красива, разнообразна и соразмерна человеку. Такое расхождение означает, что для многих из “москвичей” ценность Москвы как символа достигнутого успеха или социальных гарантий стоит выше, чем ценность Москвы как города.

Дополнительную информацию для понимания смыслового наполнения идентичности

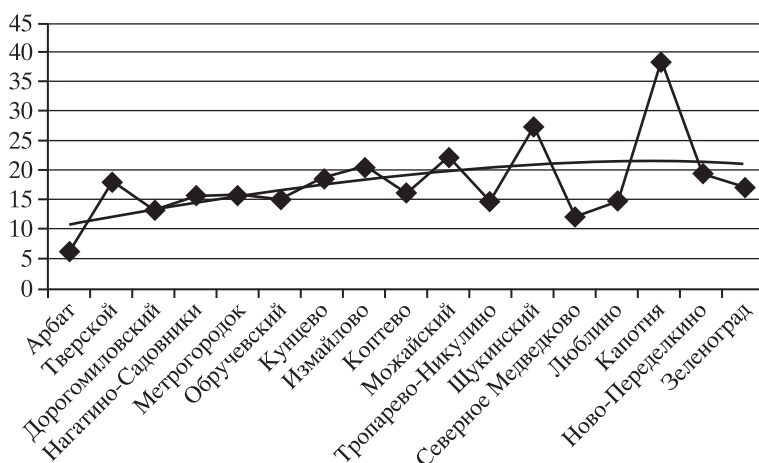

Рис. 2. Профиль районов проживания “москвичей”.

“москвичей” дают результаты опроса московских студентов и старшеклассников, проведенного Л. Борусяк [1, 2]. Ее главный вывод состоит в том, что в сознании молодых москвичей четко сложилось разделение на своих и чужих. Они чувствуют себя “русскими”, в противоположность “не-русским”, и “москвичами”, в противоположность “немосквичам”. В качестве русских они начинают осознавать себя патриотами, в качестве москвичей – членами избранного, элитарного сообщества, которое им хотелось бы видеть еще более элитарным и еще более закрытым.

Обобщая сказанное, приходится признать, что тремя китами идентичности группы “москвичей” являются статус (коренной житель как обладатель преимущественных прав), исключение (особость и ксенофобия как патриотизм) и социально-психологическая компенсация.

МОСКОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ: “ЕВРОПЕЙЦЫ” И “СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ”

Гражданское участие обычно связывается с представлением об ответственности и гражданском обществе и описывается с помощью индикаторов политической и общественной активности, уровня доверия, конформности или оппозиционности настроений.

Наиболее подозрительно к окружающему миру (не доверяют никому) относятся “жители своего района”. В их составе половину составляют пожилые люди (51.4% – старше 55 лет) и представители различных московских этногрупп из числа недавних мигрантов. К наименее конформным по отношению к существующей власти, кроме “жи-

телей своего района”, принадлежат относительно малочисленные группы, идентифицирующие себя прежде всего с советскими людьми, европейцами и этносом. При этом “европейцы” не разделяют иллюзий относительно мудрого государя и плохих бояр, а “советские люди” сохраняют лояльность первым лицам во властной иерархии – мэру и президенту.

Для всех групп москвичей наиболее приемлемыми формами гражданской активности служит голосование на выборах – 83.9% (реально в выборах участвует заметно меньшее число людей) и подписание коллективных обращений – 67.9%. Действия, требующие больших усилий, такие как сбор подписей или участие в деятельности общественной организации, вызывают меньше энтузиазма. Совсем мало сторонников набирают активные формы общественного и политического участия (рис. 3).

Согласно типологии Г. Алмонда и С. Вербы, такая политическая культура определяется как “подданническая” и характеризуется как культура послушания [36]. Вместе с тем практически в каждой группе, выделяемой по принципу разделяемой идентичности, есть небольшой отряд людей, готовых не только к пассивным, но и к активным формам гражданского участия (табл. 4). Представители этногрупп, нуждающиеся в коллективной защите своих групповых и индивидуальных прав, склонны к такой безопасной форме общественно-политической активности, как сбор подписей под коллективными обращениями, а прямое политическое действие или протест в большей мере свойственно “европейцам” и “советским людям”. При этом “европейцы” скорее не любят такую рутинную работу, как сбор подписей, и не верят в эффективность забастовок как классовых методов борьбы, а “советские люди”,

Рис. 3. Формы гражданской активности

напротив, более склонны к политической рутине и профсоюзной деятельности.

Таким образом, в Москве отчетливо выражены не только разные формы проявления московской идентичности, но и разные формы гражданской культуры. Конформизм и послушание сталкиваются с оппозицией со стороны тех, кто выдвигает на первый план не столько государственно-юридические (наличие определенного гражданства), территориальные (место жительства) или статусные (столица) ценности, сколько универсальные гражданские основания самоопределения и местного патриотизма. Порядка 20% москвичей естественно соединяют чувства россиянина и москвича с осознанием себя европейцем или советским человеком, и как минимум треть «европейцев» и «советских людей» ощущают себя «москвичами». Несмотря на то что москвичи, для которых московская иден-

тичность означает гражданскую (горожанскую) солидарность, составляют меньшинство, они представляют наиболее политически активную часть городского сообщества, влияющую на царящие унастроения.

Социально-профессиональный профиль «европейцев» и «советских людей» заметно различается. Среди «европейцев» преобладает молодежь — половина в возрасте до 35 лет, среди «советских людей» — старшие поколения: 60.2% старше 55 лет. Среди «европейцев» — интеллигенция, предприниматели, и практически полностью отсутствуют работники силовых структур; среди «советских людей» — рабочие и инженеры, а также военнослужащие и руководители пенсионного возраста. Социальный состав этих групп москвичей предопределяет и районы их преимущественного проживания. «Европейцев» больше в районах преобладания интеллигенции, таких как

Таблица 4. Активность гражданского участия разных групп жителей Москвы, %

Считают себя в первую очередь	Готовы						
	Работать активистом в выборной кампании	Собирать подписи под коллективным обращением	Участвовать в деятельности общественной организации	Участвовать в деятельности политической партии	Участвовать в демонстрации, митинге	Участвовать в забастовке	Пикетировать государственное учреждение
Россиянином, гражданином России	11.3	20.4	21.1	11,0	14,0	10.2	5.0
Россиянином и москвичом	10.8	21.6	18.7	12.8	15.3	13	5.9
Москвичом	10.5	19.5	19.3	10.4	13.5	9.9	4.3
Жителем своего района	14.6	19.5	16,0	11,0	12.2	4.9	3.7
Советским человеком	12.7	18.6	18.2	11.3	16.7	16.3	10.8
Европейцем	31.3	16.7	38.3	31.3	25	8.5	14.6
Членом своей этнической группы	10.4	26.1	18.7	12.8	18.5	9.1	3.8

Дорогомиловский, Тропорево-Никулино, Зеленоград. “Советские люди” живут в районах со смешанным составом населения, более номенклатурных, таких как Тверской, или более рабочих, как Измайлово или Северное Медведково. И тех, и других мало в бывших рабочих кварталах Москвы, таких как Нагатино-Садовники. Капотня или Люблино.

Ценностные ориентиры “европейцев” и “советских людей” позволяют прояснить данные Международного сравнительного исследования жизненных ценностей населения 25 европейских стран [17]. Его результаты показали, что у среднего россиянина крайне слабо выражены надличностные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, терпимом отношении к ним и равноправии, и, наоборот, крайне высока значимость эгоистических ценностей. Однако на фоне большинства выделяются две группы меньшинств, радикально иных по своим ценностным установкам. Одно из таких меньшинств характеризуется крайне высокой ценностью открытости изменениям и средне-высокой ценностью общих интересов. Другое – не разделяет приверженности изменениям, но крайне высоко ставит общественные социальные идеалы. Для первой из названных групп наиболее значимой детерминантой служит возраст (чем моложе, тем более склонны поддерживать изменения), а для второй – страновая принадлежность, другими словами, исторический коллективный опыт. Московская ситуация точно вписывается в эту картину, особенно если считать, что советская самоидентификация также свидетельствует о страновой принадлежности. На фоне конформного большинства выделяются “москвичи-европейцы” – молодые, открытые изменениям и способные учитывать общие интересы, и “москвичи – советские люди” – не слишком молодые и не стремящиеся к переменам, но разделяющие точку зрения о приоритетности общих интересов. Именно эти две группы составляют основу общности с позитивной гражданской московской идентичностью, в основе которой лежит чувство ответственности и социальной солидарности.

МОСКОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ

Несмотря на актуальность проблемы, работ, посвященных взаимодействию московской и этнической идентичностей, до крайности мало. Тем ценнее исследование, проведенное в рамках Российского мониторинга экономического положения

и здоровья населения (2006 г.). Важны не только выводы, но и методологические подходы, раскрывающие логику интерпретаций. *Московская идентичность* рассматривалась авторами в зависимости от контекста либо как узко локальная идентичность “мы – москвичи”, либо как совокупность (веер) различных социальных идентичностей, свойственный жителям столицы [37, с. 41]. Другими словами, московская идентичность то отождествлялась с идентичностью москвичей, являясь ее результирующей, то противопоставлялась ей. Столкновение неопределенности идентичности и определенности города подвело авторов к умозаключению, являющемуся одновременно гипотезой и выводом исследования: *Москва, в числе других мегаполисов, становится резервуаром для накопления межкультурных различий и социальных противоречий, зачастую принимающих форму этнокультурного противостояния* [там же]. Половина москвичей (55.1%) ощущает тесную связь со своей этнической группой, также половина (54.7%) – с Москвой. Этот результат свидетельствует о расколе городского сообщества. Обе формы идентичности опираются на набор определенных символов, традиций, норм и ценностей, коллективную память и опыт, и обе могут быть использованы для социальной мобилизации самыми разными силами. Данная ситуация конфликтна и делает реальным сценарий противостояния “москвичей” и “этнических меньшинств”.

События вроде московских беспорядков в декабре 2010 г. как бы подтверждают правильность выводов. Тем не менее попробую обосновать их несостоятельность. Во-первых, город – это не материальная оболочка городской жизни, не ее “резервуар”, а сама эта жизнь. Во-вторых, культуры, включая этнические, не являются завершенными знаковыми системами, конфликтными по определению. В-третьих, город – это феномен социальный, а не племенной, поэтому все происходящее здесь должно преимущественно описываться с позиции социальных, а не этнокультурных взаимодействий.

Даже если настаивать на неотменимости этнической самоидентификации и ее высокой значимости для структурирования социума, нельзя сбрасывать со счетов ее подвижности. Как всякий другой выбор, этническая идентичность ситуативна и зависит от многих обстоятельств. Согласно данным приводимого опроса, среди респондентов, которые идентифицировали себя как русские, доля указавших, что их оба родителя являются русскими, составила 75%, один из родителей – 6.4%, оба родителя нерусские – 5.1%.

Таблица 5. Особенности самоидентификации русских и нерусских москвичей, %

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете?»	Наиболее представительные этнические группы							
	Русские	Украинцы	Белорусы	Грузины	Азербайджанцы	Армяне	Татары	Евреи
Доля группы в выборке	87.1	2.8	0.6	0.7	0.9	1.0	1.4	1.5
Членом своей этнической группы								
В первую очередь	3.5	4.1	—	20.8	27.1	20.6	14.9	1.9
Во вторую очередь	7.6	10.8	4.6	12.5	—	35.3	6.5	4.3
В третью очередь	3.7	5.5	—	—	—	—	—	11.4
Россиянином, гражданином России								
В первую очередь	52.3	51.5	54.5	54.2	50.0	44.1	48.9	45.1
Во вторую очередь	15.8	12.9	9.1	4.2	16.7	8.8	17.4	21.7
В третью очередь	8.0	9.9	9.1	—	—	—	4.4	2.3
Россиянином и москвичом								
В первую очередь	9.4	2.1	9.1	4.2	—	2.9	8.5	15.7
Во вторую очередь	17.7	12.9	22.7	16.7	—	5.9	10.9	17.4
В третью очередь	9.7	11.0	9.1	4.3	—	23.5	—	—
Москвичом								
В первую очередь	17.9	11.3	13.6	—	6.2	11.8	19.2	15.7
Во вторую очередь	31.6	21.5	27.3	20.8	33.2	20.6	28.3	23.9
В третью очередь	24.4	28.6	13.6	21.7	33.4	23.5	17.8	34.1
Жителем своего района								
В первую очередь	2.6	5.2	9.1	—	—	—	—	—
Во вторую очередь	11.2	16.1	27.3	20.8	16.7	11.8	—	8.7
В третью очередь	27.5	13.2	13.6	17.4	32.5	14.7	28.9	29.5
Советским человеком								
В первую очередь	5.9	13.4	9.1	4.5	16.7	3.2	2.1	6.3
Во вторую очередь	6.7	6.5	4.5	9.3	—	5.9	19.6	8.7
В третью очередь	5.9	2.2	22.7	4.3	—	8.8	11.1	2.3
Европейцем								
В первую очередь	1.3	1.0	—	4.2	—	2.9	—	5.9
Во вторую очередь	4.2	8.6	—	8.1	—	6.1	4.3	13.1
В третью очередь	7.1	13.2	4.5	13.0	—	5.9	8.9	1.2

Большинство случаев смены идентичности отмечалось в семьях, где один или оба родителя были украинцами, белорусами или евреями (60%). Но и среди представителей других народов, традиционно живущих в Москве, доля лиц, голосующих в пользу русской самоидентификации велика: среди татар – 7.4%, армян – 5.2%, грузин – 4.1%, немцев и поляков – по 2%. Согласно переписи 2010 г., в качестве русских себя идентифицировал 91% населения Москвы. Показатель необъяснимый (даже с учетом низкого качества проведения переписи), если исключить возможность смены идентичности.

В составе “москвичей” присутствуют представители всех народов, живущих в Москве, и

почти 70% тех, кто идентифицирует себя прежде всего со своей этногруппой, демонстрирует гражданскую и московскую лояльность (табл. 5). Чем меньше культурная дистанция между русскими и представителями других этногрупп, тем менее значима этническая идентичность. Этничность практически не влияет на ощущение себя “россиянином”, зато среди “европейцев” заметно меньше русских и больше евреев, армян и грузин. “Советская идентичность”, позволяющая выходцам из республик бывшего СССР ощущать себя полноправными жителями столицы, сильнее выражена среди азербайджанцев, украинцев, белорусов.

Между этничностью и московскостью, даже если эти различные по своим основаниям формы самоидентификации перевести в общую плоскость культуры, не существует однозначно конфликтных отношений. Однако в реальности конфликты есть, а следовательно, нужно искать причины их возникновения, которые кроются не только во внешних обстоятельствах жизни, таких как миграция или объективный рост этнокультурного разнообразия, но и в мировоззрении людей.

Мировоззрение группы “москвичей” характеризует придание московской идентичности значимости культурного кода, знание которого доступно лишь им. В совокупности с этническими интересами большинства, выдвигаемыми на передний план, это приводит к созданию дискурса, исходящего из привилегированности русских перед другими народами и москвичей перед приезжими. Зеркальным отражением данной позиции является мировоззрение части так называемых “национальных диаспор” Москвы³. Борьба за утверждение особого статуса своей группы, представляемой в качестве дискриминируемой независимо от реальной ситуации, это борьба за обретение дополнительных ресурсов или контроль за их распределением. Эти противостоящие друг другу дискурсы одинаковы по сути, но различны по этнической принадлежности. Они упорядочивают для своих сторонников социальную реальность Москвы, мистифицируя культурные коды и экзистенциальные угрозы. Суть порождаемых ими конфликтов кроется не собственно в этнокультурных различиях, а в сходстве оснований самоидентификации, базирующейся на самолюбании и самовозвеличивании, подчеркивании самобытности, выпячивающей этнокультурные различия, а также стремлении охранять свою культуру и идентичность от изменений и нежелательных смешений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОСКОВСКОЙ, НАЦИОНАЛЬНО- ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Понятия “интересы” и “ценности” стоят в одном смысловом ряду, описывая значимое для человека (социальных групп) в терминах материальной и духовной культуры. Тем не менее

эти понятия кардинально различаются. Интересы не бывают базовыми, или вечными, а ценности – сиюминутными. Идентичность как социально-психологическая опора человека имеет отношение к ценностям. Поэтому вопрос о взаимодействии разных форм идентичности – это вопрос о взаимодействии интересов и ценностей, выбора определенных ценностных категорий для легитимации конкретных интересов. В случае обоснования значимости групповых интересов через ценность уникальности, мы сталкиваемся с ростом числа групп, претендующих на самобытность. В самобытной стране могут быть самобытные города или регионы, где живут особые люди, среди которых выделяются особенные группы. Напротив, обращение к гражданским ценностям позволяет находить точки соприкосновения и общие интересы, хотя и здесь успех не гарантирован, поскольку интересы и ценности могут не совпадать или совпадать частично.

В случае Москвы, для ее жителей характерно сложное и неоднозначное соотношение городской (московской), национально-гражданской (страновой и политической) и этнической идентичностей. Наибольшей интегрирующей силой в Москве обладает национально-гражданская идентичность, объединяющая москвичей и приезжих и уравнивающая их в правах. Она одновременно противостоит московскому снобизму и поддерживает право на межэтнические различия. С этой ситуацией можно было бы согласиться, если бы политика патриотического воспитания и укрепления российской идентичности не строилась бы на подмене общих интересов интересами русского большинства, получающими государственную поддержку.

Согласно широко распространенному мнению, справедливость которого далеко не очевидна, Россия есть держава с одним “государствообразующим народом” и несколькими десятками “национальных» меньшинств”⁴. Если встать на эту позицию, то Россия естественно начинает выглядеть как русское государство. Борьба за право говорить “россиянин”, а подразумевать “русский” отчетливо артикулирована в лозунгах “Россия для русских” и “Москва – русский город”. Эти и многие другие высказывания свидетельствуют об этноцентричном, а не гражданском понимании сообщества “россияне”. В таких условиях

³ Понятия диаспоры и этнического меньшинства получили широкое распространение как категории обывденного языка, мигрируя из одной области знаний в другую. Это приводит к методологическим абберациям, неверным выводам и искажению реальности [7, 19, 32].

⁴ Например, в Концепции государственной национальной политики РФ (1996) читаем: “Межнациональные отношения в стране во многом будут определяться самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности” [24].

дальнейшее форсирование национальных чувств ведет не столько к политической консолидации, сколько к росту проявлений русского национализма. Сходной логике подчиняется и квази-борьба за права москвичей, артикулированная в слогане “Москва для москвичей”, поскольку москвичи рассматриваются как условное племя, обладающее самобытностью, особой московской культурой и правом на столичные привилегии.

Таким образом, отвечая на поставленный в данной статье вопрос о консолидирующей роли городской идентичности, можно сказать, что она недостаточно велика, но способна обеспечить мобилизацию городского сообщества. Проблема в том, на каких ценностных основаниях достигается интеграция, работает ли она на позитивные гражданские цели или узко понимаемые групповые интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борусяк Л.* Патриотизм и ксенофобия // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22. <http://www.index.org.ru/journal/22/borus22.html>
2. *Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия (результаты опроса молодых москвичей) // Вестник общественного мнения. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 58–70.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетей, 2005. 288 с.
5. В поисках России. Том 1. Северо-Запад – Петербург / Под ред. П. Тешендорфа, Е. Белокуровой. М., Унрау, СПб.: Интерсоцис, 2008. 205 с. Том 2. Юг России – Северный Кавказ / Под общ. ред. В. Рудого, А. Понеделькова, Р. Крумма. Ростов н/Д.: СКАГС, 2010. 192 с. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток / Под общ. ред. С. Панарина, Ф. Хетта, С. Михайловой, Р. Крумма. СПб.: Интерсоцис, 2011. 496 с.
6. *Вендина О., Каринский С.* Москва: образ города и его восприятие // Проблемы расселения: история и современность / Серия: Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып. 3. М.: Ваш Выбор, 1997. С. 89–96.
7. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–148.
8. *Вешинский Ю.Г.* Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м // Москва и “московский текст” русской культуры. Сб. статей. М.: РГГУ, 1998.
9. Глобальный доклад о развитии человека. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. UNDP, 2009. 205 с.
10. *Гриценко А.А.* Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М.: Эслан, 2009. С. 355–364.
11. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
12. *Дробижеева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Под редакцией Л.М. Дробижеевой. М.: Academia, 2002. С. 213–244.
13. *Дюркгейм Э.* Социология. М.: Канон, 1995. 352 с.
14. *Замятин Д.Н.* Сопространственность и идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 158–161.
15. *Кириллова А.* Хроники уездного города // В поисках России. Том 3. Восточная Россия – Дальний Восток / Под общ. ред. С. Панарина, Ф. Хетта, С. Михайловой, Р. Крумма. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 133–142.
16. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 235 с.
17. *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 33–58.
18. *Магун В.С., Магун А.С.* Идентификация граждан со своей страной. Российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Отв. ред. Л.М. Дробижеева и Е.И. Головаха. Киев, 2007. С. 220–240.
19. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2010. 318 с.
20. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–54.
21. *Медведков Ю.В.* Человек и городская среда. М.: Наука, 1978. 214 с.
22. Москва и москвичи в представлениях россиян. База данных ФОМ. Москва. 06.09.2007. [<http://bd.fom.ru/report/cat/mos/d073622>]
23. Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления. COMCON. Персонал МИКС. 2005. № 4-5. С. 7–9.
24. Национальные отношения: отечественные и международные правовые документы. М., 1998. С. 29.

25. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007. 350 с.
26. Паин Э. Историческая память как ресурс политических технологий // Память и памятники / Ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2012. С. 13–18.
27. Паин Э. Распутица. Полемиические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009. 267 с.
28. Прогнозное социальное проектирование и город / Отв. ред. Дридзе Т.М. М.: Институт социологии РАН, 1994–1995.
29. Пятилетова Л. Москвичи пяти морей. Михаил Соколовцев: Ставку нужно делать на то, что объединяет жителей столицы // Российская газета. Центральный выпуск. № 5208 (129). 16 июня 2010.
30. Рыжова С. Идентичность москвичей (опыт исследования) // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 40–49.
31. Современные проблемы формирования городской среды. Части 1, 2 / Отв. ред. Высоковский А.А., Каганов Г.З. М.: ВНИИТАГ, 1989. 300 с.
32. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
33. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. 635 с.
34. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006. 352 с.
35. Agnew J. Place and Politics: the Geographical Mediation on State and Society. Winchester, MA: Allen and Unwin. 1987. 288 p.
36. Almond G., Verba S. Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Sage Publication Inc., 1989. 392 p.
37. Cresswell T. Place. Short Introductions to Geography. Blackwell Publishing, 2004. 155 p.
38. Population Distribution. Urbanization. Internal Migration and Development: An International Perspective. UNDP. 2011. 364 p.
39. Urban World: Mapping the Economic Power of the Cities. McKinsey Global Institute. March. 2011. 52 p.

Moscow Identity and the Identity of Muscovites

O.I. Vendina

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences

The article discusses features of the identity of the Muscovites. The comparative analysis of the Russian, Moscow and ethnic identities is carried out on the basis of opinion polls. Particular attention is paid to the features of the Moscow identity, depending on age, socio-professional composition, and place of residence. It is concluded that in order to strengthen the solidarity of the Moscow community it is not enough to rely on the factor of “rootedness” of citizens and Russian identity. The support of civil consciousness is needed, backed by the social policy of Moscow authorities.